

И ТАКОЙ ПОСЛУЖИШЬ

«Надо было лучше учить математику, да что уж теперь...»

Андрей печально смотрел в запотевшее окно допотопного автобуса. Пахло бензином, пылью и потом еще одиннадцати парней. Прежняя жизнь мальчика стояла где-то у исчезающих за поворотом цветных пятиэтажек и брызгала ему вслед из флакона чертовыми женскими духами.

«Неужели они так со мной из-за духов? — думал он. — Или все-таки из-за ребенка? Или я правда какой-то не такой и меня нужно исправить?» Было обидно, но не сильно. «Наказать ведь меня все-таки есть за что, — думал Андрей. — Правда, ни отец, ни Света об этом не знают и наказывают за что-то свое — непонятное».

— А с каких пор у нас мелких таких берут? — Коренастый рыжий парень плюхнулся на сиденье рядом с Андреем, спортивную сумку он бросил себе под ноги, толкнув ее носком ботинка под соседнее кресло. — Тебе сколько лет-то, пацан, — двенадцать?

Андрей отвернулся от окна и посмотрел на соседа. На вид тому было двадцать — двадцать пять. На лбу уже были морщины.

— Мне четырнадцать, — сердито ответил он.

— Врешь?

— Да нет, с чего бы? — ответил Андрей.

— Ну ты же, типо, ребенок еще! — продолжал недоумевать рыжий. — Ты это, сирота, что ли?

— Нет.

— Хм, а что тебя родаки от армейки не отмазали? Меня вот пытались, но я сам решил пойти.

— А меня мать как раз сюда и отправила. То есть мачеха, а не мать. Но по закону — это без разницы, — безразлично ответил Андрей.

— Ни хрена себе, — присвистнул рыжий, — ну ладно, не буду приставать, дела семейные.

— Семейные, — повторил Андрей это странное слово и снова отвернулся к окну. Там мелькали хромые собаки, чьи-то дачи и планы на жизнь.

Автобус свернул на грунтовку, и теперь вдоль дороги тянулись только лысые деревья, продрогшие и одинокие. На одном из них сидела ворона и угрожающе каркала. Как будто говорила: не пересекайте это поле, дальше пути нет, дальше — мое цар-р-р-рство.

Водитель наконец додумался включить радио, и из динамиков полетел жуткий и какой-то неправдоподобный бабий вой:

В какую дорогу ты отправляешься?
Перелетной малой птиченькой
В какую даль собираешься?
Где кудри свои оставишь?
Наволочка твоя полиняет,
Невеста замуж повыходит,
Одежку братья донашивать станут!

— Эй, водила! Переключи! — закричали все парни разом.

— Это ж надо жуть такую в эфир пустить!

— «Дорожное»! «Дорожное» включи!

Водитель и сам был рад сменить репертуар, и вскоре по салону уже разносился успокаивающий, с хрипотцой голос, поющий про дом-тюрьму, корешей и воронье.

— Это что такое было вообще? — спросил Андрея сосед. — Молитва, что ли, какая-то?

— Не знаю.

— Не знаешь так не знаешь. А зовут тебя как?

— Андрей, — ответил мальчик и впервые пристально посмотрел в широкое веснушчатое лицо своего рыжего попутчика.

— А меня — Пашка, — сказал тот и хлопнул Андрея по плечу.

Андрею захотелось сказать «Приятно познакомиться», но он не стал. Это в школе можно было так говорить, покупая себя капучино в автомате. А здесь — как-то глупо.

— Эй, командир, а когда приедем? — выкрикнул кто-то из парней спустя два часа пути.

— Так приехали уже, — ответил усатый мужик лет пятидесяти, сидевший рядом с погрузившимся водителем.

— Куда приехали-то? — понеслось со всех сторон, парни завертели головами.

Ничего, кроме поля за окном и отвратной ноябрьской погоды, Андрей не видел. Это поле мелькало перед глазами половину пути, никаких изменений, говоривших о том, что они куда-то прибыли, не было.

— На месте уже, говорю! Выходим! — гаркнул командир.

— Пешком дальше, что ли, до лагеря? — удивлялись все, но хватали вещи и выбегали из автобуса.

Андрей тоже взял свой бывший когда-то школьным рюкзак и вышел.

Холод сразу разогнал остатки запахов и какой-либо уверенности хоть в чем-то. Хотелось зацепиться взглядом за что-то знакомое, но ничего не было. Ни домов, ни построек, ни людей, ни зверей — только седая от инея земля и такое же седое, распластавшееся над ней небо. Но было кое-что еще, то, что глаза, уставшие от одинаковой серо-белой гаммы, не сразу могли разглядеть. Андрей заметил это первым и сначала даже подумал — показалось, но, когда его попутчики стали тыкать пальцами куда-то в центр поля, он понял — нет, там и правда есть на что посмотреть.

Вдалеке на стального цвета земле стояли десятки, а может и сотни панцирных кроватей. Без матрасов, одеял, простыней и подушек — абсолютно голые, они тянулись до самого конца поля, за которым начинался лес.

— Это что за херня?

— А крышу там не забыли сверху приколотить? — ехидно спросил смуглый темноволосый парень, которого, кажется, звали Егор.

— Разбомбили уже, что ли, часть нашу? — выкрикнул кто-то.

— А ну-ка заткнулись! — заорал командир, но тут же перешел на сдержанный деловой тон: — Вы, пацаны, без эмоций давайте. Лагерь-то тренировочный — вот и тренируйтесь. Страна у нас в трудном положении, сами знаете, чем смогли, тем помогли, а дальше вы о себе сами позаботьтесь.

— И как, интересно, нам позаботиться, тут же нет ни хрена? — зло прищурившись, сказал похожий на шкаф парень.

— А ты самый умный, что ли? — спросил командир. — Как зовут, кстати?

— Смирнов. Иван Смирнов.

— Слушай, значит, Смирнов. И все остальные тоже — слушайте. Ноги и руки у тебя есть, Смирнов?

— Ну-у-у, — замялся Иван.

— Что ну, — перебил его командир, — есть у тебя руки и ноги?

— Ну есть.

— Правильно. А знаешь, что еще у тебя есть? — командир сверлил Ивана взглядом.

— Хуй! — выкрикнул кто-то.

Парни радостно загоготали.

— Хуй тебе окопы рыть не поможет, — скривившись ответил командир. — А знаешь, что поможет?

— Что? — озадаченно спросил Иван.

— Родина! Родина тебе поможет! Потому что только Родина у тебя и есть! — брызжа слюной, заорал командир. — Понятно тебе?!

— Понятно, — пристыженно ответил Иван, явно не ожидавший такой отповеди.

— Всем всё понятно? — снова заорал командир.

— Понятно! — загремело со всех сторон.

Андрею ничего понятно не было. Но тут уж, видимо, как с математикой — ничего не поделать.

— Мишка, тащи сухпайки, — крикнул командир водителю.

Парни выстроились вдоль автобуса, чтобы командир мог проверить каждого по фамилии и вручить по внушительному пакету из магазина «Пятерочка».

Андрею вдруг стало нестерпимо интересно: что же внутри этого пакета? Видимо, воспоминания о новогодних подарках нахлынули. А может быть, ему просто давно ничего не дарили.

Когда командир добрался до фамилии Андрея и тот ответил «я», повисла тишина, все

вдруг уставились на мальчика, как будто только сейчас его заметили.

— А ты что такой мелкий? — подозрительно спросил командир.

— Так ему четырнадцать! — ответил за Андрея Пашка.

— Я не с тобой говорю! — гаркнул командир. — Ты чего такой мелкий, пацан?

— Мне — четырнадцать, — повторил вслед за Пашкой Андрей.

— А в армию у нас берут со сколько? — спросил командир явно у кого-то невидимого.

Никто ему не ответил. По крайней мере, вслух.

— Меня мать записала, — как будто извиняясь, сказал Андрей.

Командир радостно выдохнул:

— А, ну раз мать, то все в порядке. Мать — она Родина. А Родина, как известно, она — мать. Мелковат ты, конечно, ну ничего, и такой послужишь. Найдем и тебе применение.